

**ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БРАТЬЯ
КАРАМАЗОВЫ»**

Эшкуватова Мафтуна

Негосударственное образовательное учреждение

*Университет экономики и педагогики Факультет иностранных
Языков Преподаватель кафедры Русского языка и литературы*

Сайдов Ботир

Студент XTA-R-194-23 группы

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 16.11.2025

Revised: 17.11.2025

Accepted: 18.11.2025

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*Достоевский;
юродивый; Зосима; Алеша
Карамазов; Илья
Снегирев; Смердяков;
духовность; смиренение;
любовь; страдание;
православная традиция;
нравственная философия.*

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу темы юродства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Рассматриваются культурно-религиозные источники феномена юродства, его художественное воплощение и духовно-нравственная функция в романе. Особое внимание уделяется образам старца Зосимы, Алеши Карамазова, Ильи Снегирева и Смердякова, которые представляют различные формы юродивого сознания - от истинного духовного смирения до его искажённой, ложной формы. В работе показывается, как через этих персонажей раскрываются ключевые идеи Достоевского: смысл любви, значение смирения, роль страдания и проблема человеческой свободы. Анализ демонстрирует, что тема юродства является центральным элементом духовной архитектуры романа и служит основой его нравственно-философской концепции.

Тема юродивых в творчестве Ф.М. Достоевского, а особенно в романе «Братья Карамазовы», занимает особое место в системе его художественного мира. Творчество писателя невозможно представить без постоянного внимания к внутреннему миру человека, к его духовным переживаниям, нравственным сомнениям и поискам истины. Достоевского интересует человек, поставленный в пограничные, предельные ситуации, когда раскрывается не только его характер, но и глубинная сущность души. На этом фоне образ юродивого становится одним из ключевых: через него писатель осмысливает христианский идеал, парадокс духовной силы в видимой слабости, истинную мудрость, скрытую под маской «безумия».

Юродивый у Достоевского - не просто литературный тип, не декоративная фигура, а носитель особой духовной правды. Это человек, который как будто выходит за рамки обычной логики мира, отказывается от норм светской приличности, от понятия «здравого смысла», но именно через эту внешнюю «ненормальность» проявляет подлинную норму - норму Евангелия, норму любви и смирения. Такие персонажи кажутся беззащитными, хрупкими, смешными или жалкими, они «не от мира сего», но их мнимая слабость оборачивается нравственной силой, а их тихий голос становится обличением зла, лицемерия, духовной холодности.

В романе «Братья Карамазовы» тема юродства раскрывается особенно глубоко и многопланово. Достоевский показывает разные её формы - от светлого, чистого духовного юродства до его страшной, искажённой тени. Через образы старца Зосимы, Алеши Карамазова, Илиуши Снегирева и Смердякова писатель создает сложную духовную систему, которая определяет смысловой центр произведения. Эти персонажи становятся своеобразными «духовными ориентирами» романа: одни указывают путь к свету, к любви и покаянию, другие - к разрушению, внутренней пустоте и духовной гибели.

Юродство как феномен восходит к глубинам русской духовной традиции. В православной культуре юродивый - фигура парадоксальная и святая. Это человек, который сознательно принимает на себя роль «безумца» ради Христа, отвергает человеческую славу, внешнее благообразие, социальный статус и даже защиту собственного достоинства. Его задача - своим смирением «сокрушить гордыню мира», явить миру истину, которая не укладывается в привычные представления о нормальности. Его поступки могут показаться нелепыми, речи - бессвязными, внешний вид - отталкивающим, но под этой оболочкой скрывается очищенная,

оголённая душа. Юродивый - это духовное зеркало мира, в котором отражаются и человеческие слабости, и высшая правда. Он как будто стоит на границе двух планов бытия - земного и духовного, и потому способен видеть больше, чем обычные люди.

Для Достоевского эта традиция была не просто культурным фоном. Обращаясь к образу юродивого, писатель стремился показать, что подлинная мудрость часто скрыта в простоте, что истинная сила - в смирении, а настоящая свобода - в любви и жертвенности. В письмах и публицистике Достоевский отмечал, что русский народ любит юродивых именно потому, что они воплощают особый тип духовной свободы. Эта свобода не похожа на бунт или дерзкий индивидуализм, она рождена не протестом, а глубокой внутренней любовью и готовностью принять страдание ради другого. Поэтому юродивые в его произведениях выполняют сразу несколько функций: они интуитивно чувствуют истину, размышляют о смысле страдания, становятся голосом совести и помогают раскрыть главные идеи произведения.

В «Братьях Карамазовых» юродство проявляется в разных оттенках и формах. Старец Зосима, хотя и не является юродивым в прямом, внешнем смысле этого слова, несёт в себе многие черты духовного юродства. Его душа исполнена глубокого смирения; он смотрит на мир глазами человека, для которого любовь - единственная подлинная сила, способная изменить жизнь. Зосима не стремится властвовать над душами, не навязывает себя в качестве судьи. Он не требует поклонения, а наоборот, видит в каждом человеке - падшем, грешном, заблудившемся - возможность для духовного обновления. Его наставления звучат просто и мягко, но за этой простотой стоит огромный духовный опыт. Такие формулы, как «каждый виноват за всех», «любить - значит действовать», «смирение - высшая мудрость», воспринимаются не как абстрактные истины, а как итог прожитой, выстраданной жизни. Особую роль играет сцена благословения Дмитрия Карамазова: Зосима видит в нём не только распущенного, страстного человека, но и душу, способную к страданию и покаянию. Его взгляд - не судящий, а сочувствующий, он смотрит глубже, чем внешние поступки, и этим напоминает древних юродивых, которые видели в грешнике прежде всего больного, нуждающегося в исцелении.

Образ Алеша Карамазова тоже связан с темой юродства, но в иной плоскости. Алеша - один из самых светлых и чистых героев Достоевского. Его «юродство» не выражается во внешней эксцентричности или странном поведении, оно находится внутри, в самой структуре его души. Алеша умеет видеть мир не через призму

холодного расчёта, а через призму любви и сострадания. Он не боится показаться наивным, не стыдится своей веры, не скрывает своей мягкости. Его доброта - не проявление слабости, а свидетельство внутренней силы. Алеша умеет доверять, искренне сочувствовать, не осуждать, он верит в возможность духовного возрождения человека, даже самого падшего. В этом его духовное родство с юродивыми: он живёт не по законам «разумной» выгоды, а по законам сердца.

Через Алешу учение старца Зосимы выходит за пределы монастырских стен и вступает в мир человеческих страстей, конфликтов, обид. Он соединяет мир монастыря и мир семьи Карамазовых, мир детей и мир взрослых, мир страдания и мир надежды. Особенно ясно это проявляется в линиях, связанных с детьми и с Илиушей Снегиревым. В отношениях с мальчиками Алеша выступает как хранитель добра, посредник между их детскими обидами и высоким смыслом человеческой жизни. Его слово для них - не просто утешение, а духовная опора. Смерть Илиуши становится для Алеши важнейшим духовным испытанием, которое не разрушает, а углубляет его веру и понимание страдания.

Образ Илиуши Снегирева занимает в романе особое место. Этот маленький, на первый взгляд незначительный мальчик становится нравственным центром целой сюжетной линии. Его страдания - болезнь, обиды, семейные унижения, насмешки других детей - вызывают глубочайшее сострадание. Но при всём этом Илиуша не ожесточается, не превращается в озлобленного маленького мстителя. В нём сохраняется удивительная чистота, внутренняя нежность, способность любить и прощать. Его отношение к отцу, его готовность терпеть, его вера и доброта придают его страданию особый духовный смысл.

В Илиуше можно увидеть своеобразную детскую форму юродства: он несёт на себе несправедливость мира, но не отвечает злом на зло. Его смерть становится символом очищения и объединения. Вокруг него собираются мальчики, Алеша, семья Снегиревых - все те, кто способен чувствовать и сострадать. Так в романе возникает мотив невинной жертвы, характерный для русской духовной традиции, где страдание невинного имеет не столько разрушительный, сколько искупительный и объединяющий смысл.

В противовес светлому юродству Зосимы, Алеши и Илиуши Достоевский создаёт образ Смердякова - персонажа, который представляет собой искажённую, страшную тень юродства. Внешне Смердяков производит впечатление слабого, болезненного,

смиренного человека, который вроде бы стоит на периферии событий. Он как будто играет роль «недотёпы», человека второстепенного, незначительного. В этом его сходство с внешним поведением некоторых юродивых. Но всё это оказывается лишь маской. Под притворной кротостью, под нарочитой «болезненностью» скрывается холодный расчёт, внутренняя пустота, отсутствие подлинного сострадания и любви. Смердяков не просто лишён духовной глубины, он сознательно использует своё положение слабого и зависимого, чтобы манипулировать другими и прикрывать собственное зло.

В его облике юродство превращается в свою противоположность. У него сохраняется внешняя оболочка - кажущаяся смиренность, нарочитая зависимость, но исчезает главное - истинная духовность и любовь. Образ Смердякова становится для Достоевского предостережением: всякая духовная форма, лишённая живого содержания, может обернуться страшной карикатурой, а псевдодуховность - привести к гибели. Через него писатель показывает, к чему приводит отрыв веры от любви, отрыв религиозного языка от внутреннего переживания.

Все истинные юродивые персонажи у Достоевского несут одну и ту же простую, но трудную истину: спасение человека возможно только через любовь. Их слова могут звучать тихо, иногда странно, но они всегда обращены к сердцу. Эти люди не спорят с рациональными доводами Ивана Карамазова, они не строят философских систем, но их существование само по себе становится ответом на его скепсис и бунт. Юродивые как бы показывают своим примером: там, где разум приходит к отчаянию, любовь продолжает верить, надеяться, сострадать.

В романе столкновение рационализма и юродства приобретает принципиальный характер. С одной стороны - мир логики, сомнения, бунта Ивана Карамазова, с его знаменитой формулой неприятия мира ради «слезинки ребёнка». С другой стороны - мир сердца, смирения, «безумной» веры, воплощённый в Зосиме, Алеше, Илиуше. Рациональный протест Ивана направлен против несправедливости и страдания, но он не находит пути к примирению и исцелению. Юродивые же не отрицают страдания, а принимают его и превращают в путь к духовному преображению. Они показывают, что человек не может обрести внутреннюю гармонию, если ищет ответы только разумом: истина требует участия сердца и готовности к любви.

Юродивые персонажи создают в романе своеобразную духовную архитектуру. Старец Зосима открывает путь любви, задаёт исходную точку духовного движения.

Алеша воплощает этот путь в конкретных поступках, в живом общении с людьми, в заботе о детях, в участии в страдании других. Илиуша завершает эту линию своей жертвенной смертью, которая объединяет и очищает окружающих его людей. Смердяков же показывает, как этот путь может быть извращён, как отсутствие любви и подлинной веры превращает человека в духовно мёртвое существо. Так складывается своеобразная «вертикаль смысла», на которой держится нравственная идея всего произведения.

Тема юродства в романе «Братья Карамазовы» становится одним из ключей к пониманию духовного мира Достоевского. Через неё писатель противопоставляет сердечную мудрость холодному разуму, смиренное служение любви - разрушительному скепсису. Юродивые персонажи - Зосима, Алеша, Илиуша - несут свет и надежду, их слова и поступки часто негромки, скрыты, но именно они формируют внутренний нравственный стержень произведения. Смердяков, напротив, показывает опасность ложного смирения, духовной пустоты и разрушительной силы псевдодуховности.

Через всю систему этих образов Достоевский утверждает, что духовная сила человека проявляется не в власти, не в интеллектуальном превосходстве, а в способности любить, сострадать и принимать на себя чужую боль. «Братья Карамазовы» предстают не только как художественное и философское полотно о судьбе России и человека, но и как глубокое размышление о христианских ценностях, о драме человеческой свободы и о том, насколько хрупка и в то же время велика душа человека, когда она выбирает путь любви.

Литературы

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. - М.: Гослитиздат, 2021. - 824 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. - М.: Искусство, 1972. - 502 с.
3. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. - Париж: YMCA-Press, 1953. - 356 с.
4. Кантурова М. А. Русское юродство: культурно-историческая традиция и литературные интерпретации. - СПб.: Аксиома, 2008. - 248 с.

5. Касаткина Т. А. Святость в художественном мире Достоевского. - М.: ИМЛИ РАН, 2012. - 412 с.
6. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. - Париж: YMCA-Press, 1947. - 450 с.
7. Гроссман Л. П. Духовный путь Достоевского. - М.: Наука, 1989. - 288 с.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Т. 2. - М.: Академический проект, 2010. - 612 с.
9. Фризман Л.Г. Религиозные мотивы в русской литературе XIX века. - Киев: Наукова думка, 1985. - 310 с.
10. Степанян К. А. Философия любви у Достоевского. - СПб.: РХГА, 2015. - 384 с.
11. Георгиева Н. И. Православная традиция юродства и её отражение в русской литературе. - М.: Водолей, 2009. - 295 с.
12. Jones M. Dostoevsky and the Christian Idea of Holy Foolishness. - London: Routledge, 2018. - 210 p.
13. Scanlan J. Dostoevsky the Thinker. - Ithaca: Cornell University Press, 2002. - 352 p.
14. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. - Princeton: Princeton University Press, 2002. - 820 p.
15. Terras V. Reading Dostoevsky. - Madison: University of Wisconsin Press, 1998. - 312 p.